

ПАРКИ И ДВОРЦЫ БЕРЛИНА И ПОТСДАМА

Елена Николаевна Грицак
Парки и дворцы
Берлина и Потсдама
Серия «Памятники
всемирного наследия»

Текст предоставлен издательством «Вече»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167447

Е.Н.Грицак Парки и дворцы Берлина и Потсдама: Вече; Москва; 2006

ISBN 5-9533-1551-1

Аннотация

Берлин – город с удивительной судьбой. Древний, своеобразный, некогда очень красивый, волей судьбы он стал центром самой тяжелой в мировой истории войны. Следы не столь давней трагедии до сих пор остались не только в его архитектуре, но и в душах людей. Многомиллионная по населению, колоссальная по площади, столица Германии наполнена памятниками и в то же время бедна ими, поскольку все исторические здания реконструированы или являются копиями прежних. Тем не менее подлинные дворцовые постройки в городе сохранились, и о них, а также о тех, которые, к сожалению, перестали существовать после Второй мировой войны, рассказывается в данной книге.

Содержание

Введение	4
Берлин	8
Город Медведя	9
Дворец искусств Софии-Шарлотты	30
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Елена Николаевна Грицак

Парки и дворцы Берлина и Потсдама

Введение

Устрашающее движение революции способно вызвать в мерном ритме Берлина лишь незначительные помехи. При катаклизмах этот город становится похожим на слона, получившего укол перочинным ножом; он вздрагивает, но продолжает шагать дальше, будто ничего не случилось.

Граф Гарри Кесслер, 1919

Однажды журналист лондонской «Таймс», анализируя политику немецких государств, заметил: «Бесполезно искать глубокий смысл там, где существует лишь педантизм. Столь же напрасным будет доискиваться у немцев ясной цели в том, что является их желанием воплотить какую-то призрачную идею. Если бы их правители были практичными государственным деятелями, а не педантами и софистами, можно было бы предположить наличие дальних целей. Однако, зная, что они такие, мы видим в их поведении только очередной пример слабости и своенравия, которые принесли нема-

ло бед народу». Автор этой несправедливой статьи совершенно прав только в одном – немцы не похожи ни на кого, кроме немцев, и так же и их удивительная столица несхожа с другими европейскими городами.

В отличие от самой Германии Берлин всегда оставался городом, жить в котором было удобно и приятно. Монархи заботились о его безопасности, архитекторы возводили красивые здания, скульпторы и художники придавали эффектный вид прямым широким улицам, промышленники обеспечивали работой миллионы жителей. Тем не менее иное отношение тоже имело место и, несмотря на кратковременность, сильно повлияло на облик Берлина. Трудно поверить, что разумные, бережливые, далеко не богатые немцы иногда безжалостно уничтожали то, что с таким трудом и любовью к родному краю возводили их предки.

Панорама современного Берлина

Даже один раз посетив Берлин, трудно не согласиться со словами Гёте, что «немцы усложняют все себе и другим». В самом деле, слишком часто здесь торжествовала злая воля, заставлявшая город делиться на разные части, объединяться и разделялся вновь затем, чтобы стать колоссальным мегаполисом, где, впрочем, одинаково блаженствовали те, кто зарабатывал миллионы, и те, кто рассчитывал только на благотворительность. Иностранная интеллигенция порой признается в бессилии понять немецкий образ жизни и так же теряются гости Берлина, впервые оказавшись в городе, слишком непохожем на европейскую столицу. Все, что привычно для каждого городского жителя, здесь становится странным, особенно в свете знаменитого немецкого педантизма. Вопреки утверждению лондонского журналиста, эта похвальная черта характера не создавала, а, напротив, помогала преодолевать беды, которые так и не смогли увести немцев с пути к светлому будущему, теперь переставшему быть призрачной мечтой.

Берлин

*Величественный, наделенный сознанием,
вечный... Берлин был глубоко уязвлен нацистами.
После их стараний живучесть города уже не
казалась бесспорной.
Гордон Крейг, 1980-е*

Внешне Берлин производит впечатление молодого и очень современного города. Футуристическая архитектура, широкие, никогда не пустующие магистрали, площади, которые трудно охватить взглядом – теперь германская столица выглядит иллюстрацией к фантастическому роману. Тем не менее возраст ее приближается к тысяче лет, хотя свидетельством тому являются только легенды. Несмотря на самые тщательные изыскания, ученые до сих пор не могут назвать имена основателей этого необыкновенного города и даже не знают, откуда происходит его, казалось бы, простое название.

Город Медведя

Захватив внушительную часть Германии, римские легионы так и не смогли утвердиться в северо-восточной ее стороне, отчего та веками оставалась во власти кочевых племен, прежде всего свебов и семнонов. В VIII веке по направлению к западу настойчиво продвигались славяне, которым удалось задержаться на варварской земле вплоть до Крестовых походов. Спустя четыре столетия, бросив клич «Drang nach Osten», германцы мощным натиском отогнали славян за Одер и спокойно зажили в мелких графствах, объединенных в марку под крылом Священной Римской империи. Одним из маркграфов был Альберт Медведь из рода Асканиев, присмотревший себе хорошее местечко у брода через реку Шпрее.

Замок с небольшим поселением появился на пересечении торговых путей, там, где купцам приходилось останавливать караваны и разгружаться, чтобы переправиться через поток, довольно широкий на этом участке. Прежде чем спустить тюки в лодку, каждый негодант платил пошлину графу, а тот жертвовал часть денег на благоденствие жителей Мюлендамма, как поначалу назывался городок близ переправы. Жилище графа защищали толстые стены, глубокие воды Шпрее и Шлоссбрюке (от нем. Schlossbrucke – «замковый мост»), сложенный из бревен, а затем оборудованный

разводным механизмом для защиты от нападений извне.

Поселение разрасталось и за несколько веков существования разбилось на два города, раскинувшихся по обеим сторонам реки. Западный берег, вернее, остров между двумя рукавами Шпрее, заселяли рыбаки, назвавшие свой город Кёльн (впоследствии Старый Кёльн). Здешняя церковь была посвящена святому Петру, который защищал всех, кто, как и он в молодости, зарабатывал на жизнь рыбной ловлей. На восточном берегу находился Берлин (впоследствии Старый Берлин) с графским замком, рыночной площадью, купеческими кварталами, рядами нарядных особняков и богатыми прихожанами церкви Святого Николая, покровителя торговцев.

Большинство авторов популярной литературы связывают название германской столицы с великим множеством медведей, раньше и вправду обитавших в окрестных лесах. Научного подтверждения подобные заявления не получили, поскольку этот представитель лесной братии не мог чувствовать себя вольготно среди болот и заливных лугов. По мнению лингвистов, немецкое слово «Берлин» является производным от древнеславянского «берл», означающего не лохматого зверя, а всего лишь «топь, болото».

Реконструкция средневековой застройки в одном из районов Берлина

Так или иначе, но в эпоху раннего Средневековья оба поселения процветали, во многом благодаря выгодному географическому положению, а также миру, достигнутому маркграфами из рода Асканиев. Хороший доход приносила торговля, а продавали здесь все, что давала местная природа и привозили купцы: зерно, древесину, рыбу, русские меха, восточные благовония, пряности. Через берлинские склады проходили все товары, направлявшиеся в приморский Гамбург, благодаря чему крепость на Шпрее превратилась в торговый центр, позже вошедший в знаменитую Ганзейскую лигу.

Союз городов не препятствовал их автономии, но все же борьба за всевозможные вольности – право чеканки монет, суда, защиты евреев – неуклонно вела к сближению, и такое наступило в 1307 году, когда Кёльн присоединился к Берлину. При Асканиях они развивались как типичные средневековые города. Помимо бюргерства, сформировавшегося из купеческой и ремесленной знати, их население составляли так называемые пришлые люди, то есть евреи, а также те, кто, отбившись от караванов, не захотел покидать этот сказочный край. Жители вольного Берлина пользовались привилегиями, включавшими право формирования гильдий, сбора налогов с заезжих купцов, чеканки соб-

ственной монеты, и, конечно, самоуправления без вмешательства графа. Войти в совет старейшин мог каждый горожанин (нем. Burger), но преимущество все-таки имели дворяне.

Мирное развитие Берлина закончилось со смертью Вальдемара Аскания – последнего потомка славного «медвежьего» рода. Оставшись без мудрого и уважаемого правителя, город был втянут в борьбу императора Людвига Баварского с папой римским. Причиной духовных баталий послужил пришедший из Франции антиклерикализм, который нередко принимал яростные формы, подчас доходя до погромов. Достаточно вспомнить убийство и сожжение чернью настоятеля Николая в 1324 году. Равнодушные к духовным идеям воспользовались слабостью марки: отсутствие крепкой власти позволяло безнаказанно грабить странствующих торговцев, нападать на незащищенные деревни, а нередко и на достаточно защищенные города, даже такие большие, как Берлин. Средневековые хроники упоминают о рыцаре-разбойнике Эрике Фальке из Шлосс-Саармунда, который однажды устроил рейд на поселения Шпрее и после грабежа сжег многие из них. Вскоре армию знатных грабителей пополнили феодалы из Померании и мелкопоместные бароны во главе с Иоганном фон Квицовом, донимавшие мирных обывателей набегами своих отрядов. Почти не встречая сопротивления, германские робин гуды сделали опасной любую вылазку за пределы крепостной стены, что не могло не повлиять на тор-

говлю, порой застывавшую на несколько лет.

Тогда вряд ли хотя бы один берлинский бюргер ложился спать без мольбы о сильной руке, которая помогла бы восстановить законность в государстве и заодно избавить город от грабежей. Молитвы были услышаны в 1411 году, когда император назначил наместником марки бургграфа Фридриха Нюрнбергского. Молодой, невероятно деятельный правитель добился от берлинцев снаряжения отрядов, получил провиант и боеприпасы, причем ради благого дела те не пожалели церковных колоколов, снятых и переплавленных на пушечные ядра. Вызвав Иоганна фон Квицова на сражение в открытом поле, он разгромил войско разбойников, а затем направил пушки на их гнезда, сравняв с землей 40 крепостей и множество небольших укрепленных пунктов. Активность бургграфа была замечена и вознаграждена присвоением титула имперского курфюрста (нем. Kurfurst – «князь-избиратель»), то есть правителя, наделенного правом избирать императора Священной Римской империи. Таким образом, Фридрих Нюрнбергский стал первым представителем дома Гогенцоллернов, чью родословную продолжил король Пруссии, а завершил кайзер Германии.

К разочарованию горожан, новый господин не вернул Берлину статус, которым город обладал со времен основания. Изначально вольный, он превратился в резиденцию курфюрста. Встревоженные бюргеры попытались освободиться с помощью компенсации, но предложенная ими сумма казалась

ничтожной по сравнению с доходами от переправы Мюлендамм. Если судить по долгим судебным разбирательствам, берлинцы добились некоторых послаблений от самого Фридриха и проиграли его преемнику Фридриху по прозвищу Железный Зуб, который, кроме стойкости в суде, показал способность к интригам. Не добившись привилегий законным порядком, он спровоцировал ссору между жителями Берлина, а потом вмешался, не поддерживая ни одну из воюющих группировок. После того как отряды курфюрста захватили некоторые из окрестных ферм в качестве залога, горожане разрешили Фридриху построить крепость в Кёльне, на острове между двумя рукавами Шпрее. Строительство завершилось в 1451 году; к тому времени Гогенцоллерны приобрели права на Бранденбургскую марку и отделили свою резиденцию от Берлина. К началу следующего века население обоих городов успело забыть о средневековых вольностях и вынуждено было склонить голову перед чиновниками. Новые администраторы получали специальное образование в школе при кельнской ратуше, а с 1574 года – в гимназии при Сером монастыре, где духовные науки постигали прусские короли, а позже учился будущий рейхсканцлер Отто фон Бисмарк.

Неблагоприятный исход борьбы не возбудил в людях желания бунтовать, и неудивительно, ведь одновременно с уменьшением свободы увеличивалось их благосостояние. Имея столичный статус, город богател, развивался правиль-

но и быстро, поскольку двор курфюрста привлекал банкиров, поставщиков предметов роскоши и прочих специалистов по устройству красивой жизни. Не желая делиться прибылью с чужаками, горожане освоили такие отвергавшиеся ранее ремесла, как сукноделие, вышивание, научились делать шляпы, ювелирные украшения, оружие.

Смерть на поле битвы. Гравюра времен Тридцатилетней войны

Первые Гогенцоллерны любили свою столицу, выражая привязанность если не деньгами, то вниманием. Путем налоговых льгот и жалования земель правители поощряли придворных на участие в ее благоустройстве. В течение XVI века города на Шпрее наполнялись красивыми домами, парками, уютными площадями, мощеными тротуарами; в каждом из них постепенно вводилась и успешно действовала систе-

ма централизованной подачи воды. При курфюрсте Иоахиме III впервые за государственный счет был выстроен новый дворец в стиле ренессанс. К сожалению, после трех эпидемий чумы и религиозного бунта многое из достигнутого тогда исчезло и вспомнилось нескоро, потому что в начале следующего столетия на Европу обрушилась Тридцатилетняя война. Борьба католиков с протестантами, казалось, вернула Берлин в Средневековье. Крепости на Шпрее вновь стали навещать благородные разбойники, из которых особенно запомнились Валленштейн и Густав Адольф. Голод, раны, болезни привели к значительному сокращению числа горожан: в хрониках тех лет упоминается всего 5–6 тысяч жителей, оставшихся от довоенных 12 тысяч.

Вплоть до XIX века большая часть того, что ныне зовется Германией, по известным причинам не была затронута грандиозным движением европейской истории. Годы замкнутости повлияли на характер населения, ставшего педантично жестким, агрессивным по отношению к другим народам и крайне лояльным к собственной власти. После Тридцатилетней войны государство разбилось на сотни мелких княжеств, усилилась власть князей и окончательно укрепилась привычка к послушанию, возникшая еще в Средневековье. Не случайно один из римских пап того времени назвал Германию «землей покорности» (лат. *terra obedientiae*). В самом деле, постоянная близость смерти и постоянный страх, о котором так выразительно писали немецкие поэты, заставля-

ли уцелевших повиноваться любому господину, не разбирая, хорош он или плох. Охваченные ужасом люди принимали любые требования князей, отчего покорность стала нормой и даже вошла в традицию.

Перемены к лучшему начались в 1640 году, когда титул великого курфюрста получил Фридрих-Вильгельм. Прекрасно образованный человек, мудрый политик и решительный воин, он быстро собрал армию, мощь которой отбила у грабителей желание совершать набеги. После победы Кёльн и Берлин были объединены, в этот раз навсегда, и значительно расширены. Еще большие надежды вселил разгром шведов в битве при Фербеллине в 1675 году. Победа над исконным врагом посчитали благословением божьим, о чем не преминул высказаться придворный поэт:

Берлин, возрадуйся,
Враг повержен...
Этой победой ты
Освобожден от страха,
Бог да поможет тебе
И пребудет с тобой!

По известным причинам в германской столице осталось очень мало средневековых построек. В отличие от зданий, старые мосты не сохранились вовсе, и гибель их далеко не всегда зависела от злого умысла. Город, сложно пересекаемый рекой, не может обходиться только паромами, поэтому

берлинские мосты, так упорно разрушаемые врагами, всегда возрождались. История многих из них, казалось, должна была закончиться в мае 1945 года, но, как и раньше, вместо погибших подлинников возникали копии либо совершенно новые сооружения, которые выглядели так, словно стояли на своих местах веками. Сложенный из красного кирпича Обербаумбрюке (нем. Oberbaumbrücke) украсил Берлин в конце XIX века, но своеобразный вид моста наводит на мысль о готике. Он заменил старую деревянную переправу и, когда открылась первая ветка берлинского метро, здесь расположилась конечная станция на пути в Шарлоттенбург.

После разделения Германии поезда ходить перестали, но постройка на мосту продолжала использоваться, теперь уже в качестве контрольно-пропускного пункта. В настоящее время метро вновь работает, а столетний Обербаумбрюке является достоянием не только столицы, но и всей страны.

«Средневековый» мост Обербаумбрюке

Одно из настоящих творений Средневековья, донныне действующая церковь Мариенкирхе была возведена в 1270 году, реконструирована столетие спустя после пожара, но окончательный вид приобрела лишь в начале XV века, когда ее интерьер украсила фреска с изображением пляски смерти. Расположенная напротив церкви Красная ратуша (нем. Rotes Rathaus) строилась в 1861-1869 годах по плану Германа Фридриха Веземана. Как видно из ренессансного вида строения, архитектор был патриотом и одновременно большим

поклонником итальянского зодчества. В здании, возведенном из традиционного для Берлина красного необожженного кирпича, нашли применение элементы бранденбургского строительного искусства, смотревшиеся не хуже мотивов, присущих мастерам Тосканы.

Трехэтажная ратуша увенчана 74-метровой башней, которая придает комплексу значительность и служит его визуальным центром. Аттик у подножия имеет не совсем обычную форму, поскольку оживлен аркадой, переходящей в колонны портала. На верхнюю площадку башни можно подняться, одолев 287 ступенек винтовой лестницы. Большой колокол городских часов настроен на низкую ноту «ре», а малый, отбивающий четверть часа, – на высокую «соль». Верхушку ратуши символически охраняют 8 берлинских медведей; трехметровые фигуры животных, олицетворяющих династию Асканиев, сделаны из песчаника и принадлежат резцу знаменитого немецкого ваятеля Вильгельма Вольфа. Стены здания опоясывает террако-товый фриз со сценами из истории города. Каменную летопись столицы Германии дополняет мозаичное окно над искусно выполненным главным порталом, где помещены пластические аллегории труда. Вызывая восхищение изначально, в послевоенные годы здание городского самоуправления стало объектом насмешек, ведь в нем заседал магистрат социалистического Берлина, поэтому, произнося слово «красный», западные немцы имели в виду не цвет, а политику.

Красная ратуша

Фонтан «Нептун» на площади перед Красной ратушей

Прилегающую к ратуше площадь сегодня украшает фонтан «Нептун». Созданный скульптором Бегасом в 1891 году, он был перенесен сюда из Берлинского замка, разрушенного после Второй мировой войны. Нетрудно догадаться, что в качестве основного персонажа скульптурной композиции автор выбрал морского царя. Однако не меньший интерес представляет свита, вернее, женская ее часть. Расставленные по краю фонтана девы из красного гранита, по твердому убеждению местных, составляют уникальную группу берли-

нок, способных «держать язык за зубами».

В отличие от остальных германцев обитатели Берлина невероятно болтливы. Каждый из них старается запомнить происходящие вокруг события, чтобы при встрече со знакомым поделиться впечатлениями. Молчаливый берлинец – явление крайне редкое. По наблюдениям путешественников, жители германской столицы не умеют общаться, а при разговоре происходит примитивный обмен монологами. Сосредоточенный вид одного из собеседников вовсе говорит о внимании: зачастую не слушая партнера, он обдумывает свою дальнейшую речь, которую начинает, едва визави замолчит. Поток слов здесь принято дополнять оригинальными фразами, антитезами, шутками, анекдотами. Знатоков юмора восхищает привычное для берлинского разговора изобилие продуманных конструкций, подобных описанию мужчины, который «выглядит как старушка, похожая на старичка».

В спорах, где берлинцы проявляют несвойственную северному темпераменту горячность, можно услышать преувеличенные угрозы и эпитеты, что свидетельствует не только о богатом воображении, но и о широком кругозоре: «Сейчас я тебе врежу так, что будешь пялиться из-за собственных ребер, как маргышка из клетки». Традиция словесных перепалок культивировалась в Берлине с варварских времен, в эпоху Просвещения поднявшись до уровня настоящего искусства. Тогдашний житель рабоче-крестьянской окраины, ругаясь с соседом, оперировал неожиданными, но удивительно

меткими образами: «У тебя не все чашки в буфете». В учебных дебатах чаще использовались философские категории: «Прощаю тебе, ведь ты глуп!».

В рассуждениях о местном остроловии принято выделять такие свойства, как грубость и находчивость. Первое объясняется свободной атмосферой большого города, каждый житель которого, невзирая на статус или положение в обществе, может стать объектом насмешек. Своей находчивостью берлинцы обязаны соревновательному духу, особенно заметному в коммерческой среде, где это явление возникло при великом курфюрсте Фридрихе-Вильгельме. Его правление ознаменовалось открытием судоходного канала между Одером и Шпрее, что заметно активизировало торговлю. При нем значительно возрос уровень текстильного дела, только тогда переросшего в полноценную отрасль промышленности.

Большой канал – водная магистраль в центре Берлина

Резиденция правителя – Берлинский, или Городской, замок – находилась на острове и вместо крепостного рва была окружена водами Шпрее. Курфюрст не скрывался за толстыми стенами: каждое утро ворота крепости широко распахивались, чтобы пропустить пышную свиту на мост, названный Собачьим из-за псов, всегда сопровождавших кавалькаду всадников. Чаще всего такие вылазки совершались ради охоты, благо в ближайшем к замку лесу Тиргартен води-

лись олени. Путь к охотничьим угольям указывала тянувшаяся от моста прямая аллея. Проложенная еще при Асканиях, дорога была широка и всегда расчищена, словом, хороша всем, кроме окружающего вида: простиравшиеся до горизонта пески, камни, редкие пожелтевшие кусты. Такой пейзаж, безусловно, не радовал владыку, который одинаково высоко ценил и удобство, и красоту. Гораздо приятнее конные прогулки проходили после 1647 года, когда Фридрих-Вильгельм приказал уложить на песок вдоль дороги плодородную почву и засадить весь путь от замка до леса молодыми липами. Именно так в Берлине появилась улица Унтер-ден-Линден (нем. *Unter den Linden*) – «бесконечный» бульвар под липами, где сегодня соединяются разные времена и стили, где старинные особняки и ультрасовременные постройки из стеклбетона выглядят свидетелями далекого прошлого и новейшей истории.

Проявляя бережливость во всем, что относилось к дворцовому хозяйству, курфюрст заботился о своих липах. Не полагаясь на слуг, он лично пускал пулю в лоб каждой свинье, замеченной вблизи аллеи. История сохранила курьезный указ, согласно которому егерям надлежало отстреливать свиней, стадами сбегавшихся к деревьям, чтобы полакомиться нежной корой. Потомки «хитрого лиса», как называли Фридриха-Вильгельма европейские монархи, постарались сделать бывший охотничий путь улицей-символом, наделенной монументальностью и сакральной силой по анало-

гии с властью германских королей. Впоследствии самый знаменитый из Гогенцоллернов, Фридрих II, не упускал случая проследовать по Унтер-ден-Линден, направляясь в Потсдам, где находилась его резиденция и где была расквартирована большая часть прусского войска.

Улица Унтер-ден-Линден. Фотография начала XX века

К началу XVII века население Берлина сильно увеличилось, достигнув 60 тысяч человек. Несмотря на военные по-

тери, столица разрасталась в основном за счет гугенотов, потоком прибывавших из Франции: соблюдая правила Потсдамского эдикта, великий курфюрст позволял иностранным сторонникам Мартина Лютера укрываться от гонений в Германии. Берлин принимал французов дружелюбно, если не сказать с радостью, ведь приток «свежей крови» обеспечил городу значительный рост экономики. Трудно сказать, как складывались их отношения с бюргерами, но изысканные и деятельные чужаки показали свое умение в таких тонких делах, как производство шелка, пошив одежды, ювелирное и парикмахерское искусство. С того времени грубоватый местный диалект начал пополняться легкими французскими фразами, которые придавали изящество беседам в берлинских салонах.

Дворец искусств Софии-Шарлотты

В конце XVII века Берлин стал местом, откуда по Германии распространялась культура. Немалую роль в этом положительном процессе сыграла супруга сына великого курфюрста Фридриха-Вильгельма, красавица София-Шарлотта, которой немцы во многом обязаны своей нынешней цивилизованностью. Происходя из рода Стюартов, она отличалась веселым нравом и, к счастью, не унаследовала упрямства английских королей. Получив всестороннее образование по настоянию отца, Эрнста Августа, герцога Ганноверского, принцесса говорила на двух родных языках, прекрасно владела итальянским и французским, читала на латинском, превосходно музицировала, интересовалась философией, естественными и даже точными науками. Философия являлась фамильным увлечением, поскольку ею занимались многие представители рода. Восторженной поклонницей и другом философствующего математика Рене Декарта была сестра герцога, Элизабет, а ее племянница, по примеру матери, находила удовольствие в спорах с молодым Готфридом Вильгельмом Лейбницем, которого вместе с великим коллегой свободно принимали в царственном семействе.

Став женой наследника курфюрста в 1682 году, София-Шарлотта примкнула к династии, исконно занятой вопросами власти, престолонаследия и примитивного выжива-

ния. Бесконечные войны не оставляли ни сил, ни времени для раздумий о престиже государства, в определенной мере зависящем от того, какое внимание правители уделяют культуре. Муж ганноверской принцессы, занявший трон в 1688 году, не только сознавал это упущение, но и постарался его возместить, правда, с помощью показной роскоши. Обретя власть, Фридрих поручил голландскому архитектору Йоганну Арнольду Нерингу украсить Берлин по образцу Парижа.

Берлинский Арсенал (Цейхгауз)

Рельефная скульптура на фасаде Арсенала

В начале следующего столетия город получил первое здание в модном стиле барокко, где сначала размещался Арсенал (нем. Zeughaus), а с недавнего времени находится Немецкий исторический музей. Подобно многим берлинским дворцам, Цейхгауз задумывался в качестве символа политической власти и военной мощи государства. Однако фантазия авторов превратила его в самое красивое сооружение города, настоящий шедевр немецкого барокко, чем успешно пользуются власти современного Берлина: если раньше по внутреннему двору Арсенала чинно шествовали солдаты, то сегодня в нем устраиваются вечера серенад.

В облике бывшего военного склада воплощены принципы двух архитектурных школ, поскольку здание по чертежам голландца Йоганна Арнольда Неринга возводили немцы Мартин Грюнберг и Андреас Шлютер. Благодаря таланту последнего на крыше появилась великолепная пластическая композиция, логично завершившая декор фасада, выполненного Жаном де Бодтом. Среди высоких статуй на кровле особое впечатление производят 22 головы умирающих воинов. Скульптурный спектакль начинается с аллегорических фигур арифметики, геометрии, а также весьма популярных в Германии искусств пиротехники и механики.

Собственный дворец привлек внимание молодого монарха немного раньше, чем город. Перестройкой родового гнез-

да Гогенцоллернов занимался Шлютер, который обессмертил себя и первого бранденбургского курфюрста Фридриха конной статуей, установленной на одном из мостов столицы. Впоследствии монумент сменил адрес, украсив своими величественными формами двор загородного замка, преподнесенного правителем Софии-Шарлотте в качестве подарка на именины. При первой владелице он представлял собой не слишком обширный, огороженный стеной участок на берегу Шпрее с летним дворцом и парком. Будучи обыкновенной усадьбой, резиденция королевы называлась Лиценбург, поскольку стояла у деревни Лицов. Только после смерти Софии-Шарлотты, став настоящим дворцовым комплексом, замок получил свое нынешнее название Шарлоттенбург (нем. Charlottenburg).

Неринг приступил к проекту в 1695 году, а на рубеже веков был закончен центральный корпус – небольшая двухэтажная постройка с выступающим овальным залом. Когда курфюрст стал первым прусским королем, свита королевы увеличилась, что навело на мысль о расширении загородного дворца. Перестройку поручили шведскому архитектору Иоганну Фридриху Эозандеру. Вкусы того времени требовали версальского шика, поэтому дворец с одиннадцатью обращенными в парк высокими окнами обрел купол над главным залом и длинный фасад. Лицевая сторона королевского дома казалась длиннее, чем была в действительности, за счет боковых флигелей, где зодчий устроил жилые комнаты.

Примыкавшие к правому крылу домик для кавалеров и хозяйственный блок отделялись так же роскошно, как сам дворец.

София-Шарлотта выбрала для своих апартаментов нижние комнаты, где залитые солнцем интерьеры как будто сливались с композицией парка. Цветы под террасой выращивались на восьми клумбах причудливой формы. Обрамлявшие их аллеи смыкались у большого пруда в северной части сада. Вдоль западной и восточной сторон партера тянулись ряды кустарника, который, доходя до цветника, защищал от нескромных взоров парковое убранство: скульптурные вазы, беломраморные статуи, растения, привезенные из дальних стран специально для прусской королевы.

Башня с куполом во дворце Шарлоттенбург

Большая дубовая галерея дворца воплощала в себе лучшие достижения мастеров берлинского барокко. Монарху это великолепное помещение виделось залом для приемов, потому его отделка отличалась особой тщательностью; больше всего постарались резчики, сумевшие покрыть тонкой резьбой практически все вертикальные поверхности. В отличие от барочной галереи декорированные в мягких пастельных тонах Белая и Золотая комнаты стали прекрасными образцами стиля рококо. Если бы королева строго придерживалась традиций, то соседняя комната могла бы называться Китайской, но ее назвали Фарфоровой, поскольку здесь хранилась ценная посуда, преимущественно китайский и японский фарфор.

Немного позже интерьеры дворца дополнились изумительными по изяществу банкетными залами, которые спроектировал и построил придворный зодчий Георг Венцеслаус фон Кнобельсдорф. Королевские покои, располагаясь рядом с приемными, не избежали парадности в отделке, но главным их украшением послужило не золото на стенах, а французская живопись – полотна Антуана Ватто, Николя Лансере и Жана Симеона Шардена. Сегодня в бывших спальнях апартаментов, помимо картин, можно увидеть изысканную коллекцию табакерок и дворцовую утварь, часть которой относится ко временам Софии-Шарлотты.

Первая прусская королева почти не интересовалась зданиями и монументами, уделяя гораздо большее внимание изящным искусствам, в частности литературе, живописи, музыке. Она превратила свою летнюю резиденцию в культурный центр, где избранная публика могла наслаждаться тем, что вызывало неодобрение лютеранской церкви. В специальном зале летнего дворца почти каждый вечер давал концерты камерный оркестр, в нем проходили первые спектакли знаменитой берлинской оперы, собирались поэты, ученые, в том числе и богословы. Энергичная, остроумная, сведущая в науках королева устраивала диспуты, приглашая самых именитых философов своего времени. В летописях отмечено, что в Шарлоттенбурге красноречивый проповедник Якоб Шпенер яростно спорил со своим коллегой, лидером реформаторской конгрегации Даниелем Яблонски. После чтения книг, подобных «Словарю» Пьера Бейля, возникали дискуссии на такие щекотливые темы, как экуменизм, то есть возможность слияния конфессий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.